

Вырезка из газеты

ЛЕНИНСКАЯ
СМЕНА

г. Алма-Ата

4 1 НОЯ 1976

ПЯТЬ СКИФОВ И ЧЕТЫРЕ ВОРОНЫ

ИЛИ

«ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ! КАК СТАТЬ АКТРИСОЙ?»

Сегодня — первый день занятий открытой при Академическом русском театре драмы им. М. Ю. Лермонтова театральной студии. Следующий набор будет объявлен через 2,5 года. Однако письма с просьбой рассказать о приеме в студию продолжают приходить в редакцию. Поэтому для всех будущих абитуриентов мы в публикуем сегодня этот репортаж о приемных экзаменах.

— Негодяй вы, Владимир Иванович! — гневно крикнул худощавый юноша.

Но Владимир Иванович Захаров, главный режиссер Академического театра драмы имени Лермонтова, вовсе не обиделся на это незаслуженное обвинение: он сам только что задал такой этюд абитуриенту Славе Черных. Шел первый тур творческого конкурса в новой театральной студии.

Заявлений — двести, мест — пятнадцать. Сразу стало ясно, что это прискорбное несоответствие выльется в огромное море слез.

Выхожу в коридор. Явственно пахнет валерьянкой и ложными слухами.

— Если скажут: «Всего доброго» — значит, не прошел на второй тур, а если «до свидания» — все в порядке!

— Всех до единого заставляю петь!

— Ой, мамочки, а я охрипла!

Прослушивание первого тура длилось три дня. В первый «Скифов» Блока читали пять раз, «Ворону и лисицу» — четыре. «Волка и ягненка» — три...

Бася, стихи, проза... Одно и то же стихотворение можно, оказывается, прочесть, вызывая улыбку, доброжелательное оживление, а порой — из вежливости скрываемое равнодушие... Впрочем, на лице Владимира Ивановича равнодушия я не заметила ни разу. Он очень «болеет» за каждого новичка и, как мне показалось, многих даже старался «вытащить».

После двух дней прослушивания задумываю эксперимент: представлю себя в роли абитуриента, чтобы испытать все его ощущения. Ведь одно дело —

взгляд со стороны, а другое — побывать «в шкуре» экзаменуемого.

Оркестр, туш! Мой выход.

— А что, чем черт не шутит?

— говорит Владимир Иванович. Я, конечно же, знала, что черт так не шутит, но во рту почему-то все пересохло и наружу вырывается что-то вроде сиплого шепота. Выходит, мой предшественник шептал свою фамилию вовсе не из скромности... Лишью комиссию остатков минеральной воды. Зубы о стакан все-таки постукивают. А со стороны казалось так легко: главное — не волноваться, вести себя естественно...

Короче говоря, эксперимент завершен: я успешно проваливаюсь. Но «вошла в образ» настолько, что чувствую обиду — последнее ощущение абитуриента-неудачника...

— Артисту нужно иметь данные и внешне, и внутренне, — искренне «открыл» мне потом мою бездарность в этой области артист Владимир Еремин, присоединяясь к утешающим.

Итак, первый тур закончен. Это был, так сказать, черновой отбор. Второй тур преследует цели более сложные. Здесь все «внутреннее» и «внешнее» данные тщательно проверяются. Талант артиста, который многие у себя почему-то чувствуют, вещь очень сложная и — редкая. Выразительный тип внешности, фантазия, непосредственность, хороший голос, заразительность темперамента, ритмичность, музыкальность, эрудиция — это все актерский дар.

Вопросы на собеседовании перед вторым туром были самые неожиданные:

— Какого цвета пол в нашем театре?

— Нравятся ли вам ваши усы?

— Как была одета актриса Скрипки во втором действии спектакля «Любовь под вязями»?

— Ваш любимый актер?

Итак, второй тур. Главный экзаменатор — режиссер Валерий Павлович Винарха — предлагает группе ребят этюд: представить себя курицами и петухами, сесть на настольный и... заснуть.

С кудахтаньем, квохтаньем и

кукареканьем «куриное семейство» устраивается на ночлег.

— Вы видите сон... про жемчужное зерно... Вдруг — запах дыма, дым щекочет ноздри... Пожар!!!

С грохотом, кто по-петушиному, а кто просто по-человечья, компания быстро покидает зал, и лишь один не столь резвый «петушок» вносит во всю сцену трагическую нотку: остается неподвижно лежать со свешенной набок головой...

Это — всего только небольшая разминка. Теперь ребят вызывают по одному. Задают этюды, ставя порой в самые неожиданные ситуации.

Любу Андрейченко попросили представить, что она получила огромную сумму денег от поддеса и после колебаний решает их сжечь. Владимир Попов, «приговоренный к казни», Долго умолял о пощаде, а Таня Кулешова была раненой партизанкой и девочкой, испугавшейся мышки. Кто-то был собакой, кто-то обезьянкой, а кто-то старушкой.

Одна девушка должна была преодолеть упорство диспетчера и поменять билет на самолет. Это было трудно, но диспетчер была женщиной, и ее сопротивление постепенно удалось сломить... модной косметикой, которую отчаявшаяся пассажирка пообещала ей подарить.

Все эти этюды не совсем походили на обычные актерские упражнения. Вся комиссия участвовала в творческом процессе. Актеры задавали этюды, подпевали, хлопали в такт танцу... Они были самыми благодарными зрителями — не только внимательно и чутко следили за игрой будущих артистов, но и здорово помогали.

Сегодняшняя группа слушания. На месте приемной комиссии я приняла бы всех без исключения, но нужно выбрать лучших из лучших. Трудное это дело...

Стемнело. На улице шел снег — первый в этом году. Поступающие разошлись, пряча носы в теплые воротники. Но в театре вечером работа в самом разгаре. В окне приемной комиссии тоже свет.

Е. ОСТРОВСКАЯ.

Алма-Ата.